

Край без революции

К 140-летию со дня рождения М. М. Пришвина

«**Н**адо удерживаться от интеллигентского стремления осознать жизнь прежде, чем сам пожил: надо просто жить». Эта запись из дневника Михаила Пришвина датируется апрелем 1926 года, когда он жил в Переславле-Залесском (Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» // Наше наследие. 1990. № 1).

В 1920-е годы Переславль, а в 1940-е село Усолье Переславского района (сейчас — Купанское) оставили глубокий след в душе Пришвина-художника: причудливо переплелись биография и творчество, отдельные события разрослись до мотивов рассказов и повестей, конкретные люди стали персонажами его книг. Предлагаем свою версию тех далёких событий с опорой на разыскания переславских краеведов Н. М. Романовой, В. И. Панфилова, Т. В. Мухиной, М. А. Дорофеевой, на собственные находки в фондах Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Годами живя в провинции, в глуши, среди простых людей, Пришвин следовал давнему завету Алексея Ремизова: надо стать ближе к жизни, надо изучать народную культуру изнутри. Так, в 1920 году в составе научной экспедиции он прошёл на лодках около 150 верст по реке Кубре, а через пять лет отправился в Переславль, живописуя этот порыв в «Календаре природы»:

«Мы уже и раньше думали, как бы податься куда-нибудь поближе к воде, и списывались с Переславлем-Залесским, где находится прекрасное Плещеево озеро <...> получил ответ от заведующего Переславским музеем <...> что в трёх верстах от города на высоком берегу Плещеева озера есть историческая усадьба, где хранится ботик Петра Первого, и тут есть пустой дворец, в нём предполагается устроить биостанцию, и если я положу этому делу начало своими фенологическими наблюдениями, то могу занять любую квартиру в этом дворце. После того в письме был подробно указан путь <...> по железной дороге до станции Берендеево. Какие удивительные есть имена, и как они на меня действуют: дворец мне явился сказочным дворцом Берендеева царства, и пошло, и пошло в душе берендить.

“Ну, Берендей, — сказал я себе, — думать тебе больше нечего» <...> Мы отправились в путь, и над нами дикие гуси летели на север, верно, тоже к Плещееву озеру” (Пришвин М. Родники Берендея. — М., 1977. С. 90, 91).

Такова художественная версия событий, в действительности всё было иначе. Пришвин с семьёй (жена Ефросинья Павловна, дети Пётр и Лев) жил в Переславле с апреля 1925 по июль 1926 года. Это время насыщено событиями внешними и внутренними и весьма драматично. Вчитаемся в документы.

Небольшой листок бумаги в папке делопроизводства по объекту «Ботик», хранящийся в Научном архиве Переславль-

Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (НА). На нём написанный синими чернилами текст: «В Переславский народный музей Михаила Михайловича Пришвина заявление. Прошу предоставить мне за плату квартиру на Ботике, где я буду заниматься художественно-этнографическим изучением края, прилегающего к Плещееву озеру. Член Центральной комиссии по улучшению быта учёных Михаил Пришвин. 15ого мая 1925 г.».

Документ формальный, ведь ему предшествовала переписка, всё согласовывалось, однако просьба о квартире «за плату» уточняет цель приезда. Если в рассказе речь шла о «фенологических наблюдениях», то здесь — о «художественно-этнографическом изучении края» близ озера. В заявлении Пришвин более конкретен и масштабен. Назвав мотивы поселения «на Ботике», он, по сути, обнажил свой взгляд на искусство и науку, на стихийные связи людей и природы, на деятельность учёного и писателя.

Плещеево озеро — это метафора, образ не только стихии воды, но и стихийных начал народной жизни. Такова семантика озера в целом ряде произведений, созданных по переславским впечатлениям, что мы ещё увидим.

Чем объяснить подпись — член ЦКБУ? Допускаем, что в непростом политически 1925 году Пришвин, не скрывая желания казаться учёным, ещё и подчеркнул членство в основанной М. Горьким влиятельной организации, тем самым обозначив свои интересы и намекнув на связи.

В «Петровском дворце» — новые хозяева. Им сданы три комнаты, кухня, подвал, земельный участок в 300 квадратных саженей. Комнаты меблированы. На первых порах писатель был «очарован» «роскошеством»

М. М. Пришвин на охоте

квартиры и природой края. Он бродил по лесам, охотился, собирал сказки и местные предания. Вёл дневники, из которых выросли отдельные книги, подготовил и издал в 1926 году книгу «Родники Берендея».

Но где же основная, «научная», работа на биостанции? Следы её теряются. Работники музея свидетельствуют, что «ничего нет». Нет прямых упоминаний о ней и в дневниках того времени.

Вот типичные в плане содержания фрагменты дневника за 1925 год.

«5 мая. Утро росистое, прохладное. Солнце взошло чисто сзади Никитского монастыря и поплыло, оставляя влево и колокольни церквей, и деревья».

В полдень опять в стеклянном озере отражались дворцами кучевые облака, озеро было, наверно, такое же прекрасное, как вчера, но мне казалось, что вчера оно было лучше, — и так теперь пойдёт навсегда: прошлое будет всегда лучше настоящего.

[Запись на полях]: В краю, где не было революции.

6 мая. Егорий. И так изо дня в день всё тише, теплее и роскошнее. Всё сотворено и остаётся почить, но я не могу, и на этот случай, когда не можешь ни творить, ни почивать, а жить как-нибудь нужно, является благодетельный случай зла: я отдал

С женой Валерией Дмитриевной

себе дверью палец и отвожу душу, сосредоточиваясь на боли в ожидании выздоровления.

В природе такое состояние насыщения радостью как будто предусмотрено: в предельный момент счастья вылетают комары <...>

В краю, где не было революции. Председатель райкома прислал свою жену, “открытую женщину”, с приглашением к их престольному празднику:

“Пришвину М. М. Я, председатель райсельсовета Ульяновцев Я. М., прошу я Вас, пожалуйста, приходите ко мне в гости, очень буду Вам благодарен. Ежели придёте, и впредь буду с Вами знаком. Ульяновцев”.

Мы раздумывали, идти или не идти, а там, на празднике, не ждали: к 11 утра уже является сам председатель со своим кумом, сапожником Волковым, оба сильно пьяные, звать.

Я сказал:

— Край у вас какой милый, революции у вас совсем не было!

— Ни малейшей, — ответил председатель.

«Как чисто! Спичку я бросил на воду, Петя сказал:

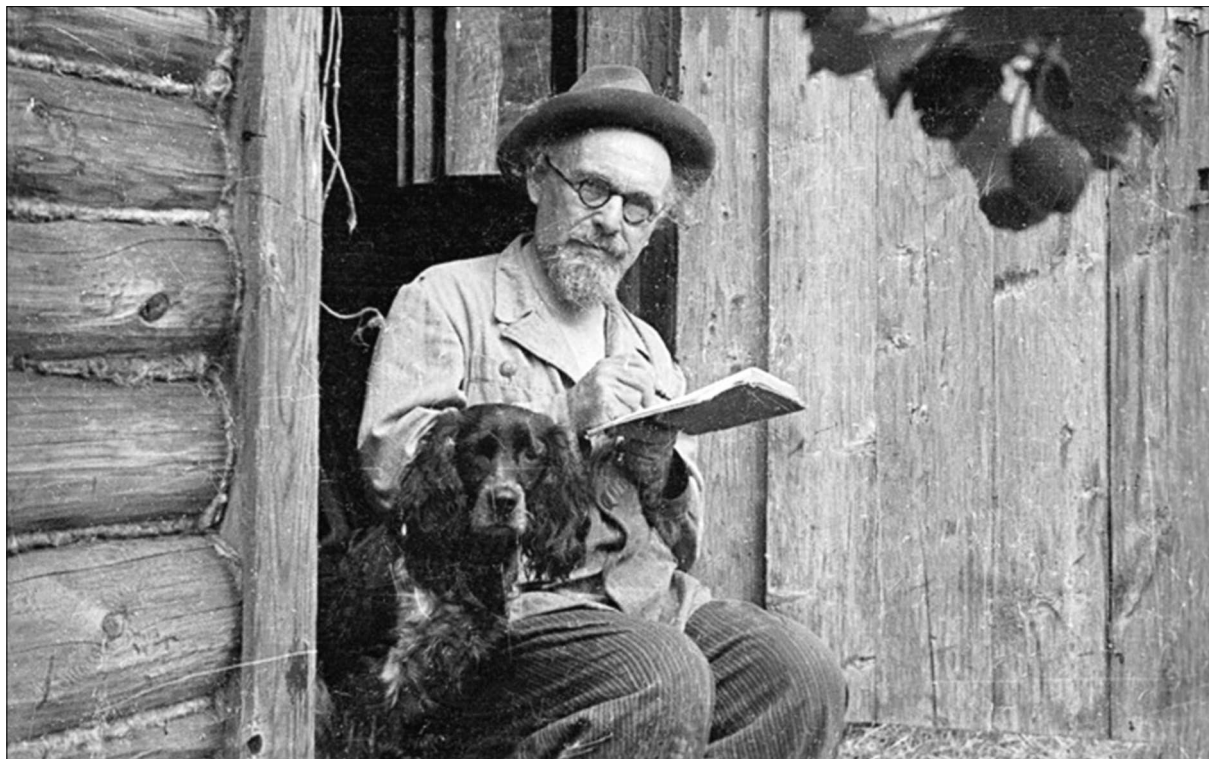
— Не сори!

На отражении луны сверкали хвои, разнесённые волнами лесного озера.

Расставаясь с заповедником, после в миру люди творили легенду об озере <...>. И так я, раз влюбившись, стал жить с озером, как с женой (грубость работы и чудо красоты, возмущение и смирение и т. д. ... как Русь)». (Пришвин М. Дневники. 1923—1925. — М., Русская книга, 1999).

Видимо, в таких бесценных открытиях для себя и состояло художественно-этнографическое изучение края, результатом которого стали дневники и книги Пришвина. Родники в его берендеевой душе открыла природа. «В этот год, когда моя земля отдыхает, я не буду ничего придумывать <...> героем моего рассказа будет сама земля». «Моя земля» — метафора внутренней жизни. Город у озера казался древним невидимым градом, идущие на север леса — таинственной первозданной природой, «берендеевым царством», люди — «лесным народом», быт и сознание которого не могут существенно изменить ни христианство, ни революция.

По переславским впечатлениям написаны книги «Календарь природы», «Родники Берендея», а по усольским — «Кладовая солнца», «Корабельная чаша». В Переславле же были сделаны подготовительные запи-

М. М. Пришвин

си, «леса», как говорил сам автор, к роману «Осударева дорога», накапливался материал для повести «Мирская чаша».

Однако через год отношения Пришвина и директора музея М. И. Смирнова испортились настолько, что они, игнорируя друг друга, общаются через посыльного.

Письмо Пришвина Смирнову: «10-го мая 1926 г. заведующему Переславль-Залесским музеем М. И. Смирнову. Вследствие Вашего отношения от 6-го мая с. г. имею сообщить следующее:

1) Промер площади занимаемой мной квартиры был сделан секретарём Главнауки тов. Коноплянцевым в Вашем присутствии и ввиду того, что плата устанавливалась не с кв. аршина, а принимались особенности жилья, которое в зимнее время никто не снимал, то я нахожу совершенно непонятным и крайне странным претензии Музея взять с меня добавочные деньги за прожитые месяцы. Ваш посыльный в «жилую» площадь включил всё нежилое.

2) Мебель, из которой только два обыкновенных комода, и один круглый стол соб-

ственно могут быть названы мебелью, даны были мне Вами во временное пользование без всякого договора о плате и было бы действительно странно брать за такой хлам деньги. Я готов возвратить её во всякое время.

3) Относительно ремонта Вы информированы неправильно, вероятней всего лицом, не способным разбираться в обстоятельствах. Речь идёт о потемневшем угле в кухне. Это потемнение было до моего вступления на Ботик, и Вам должно быть известно, что в самом начале сторож Думнов заделал отверстие в крыше, через которое протекала вода. Отсыревший угол во второй комнате был следствием испорченного жёлоба, который в настоящее время починен. Ремонт подвала, пригонка рам и другой мелкий ремонт сделаны мной своевременно.

(На основании всего вышеизложенного я отказываюсь от уплаты назначенной Вами суммы, но во избежание судебного процесса, который неизбежно отнимает драгоценное для исследовательской работы время, я предлагаю компенсацию этой суммы в другой форме).

Главнаука, устанавливая размер моей арендной платы, несомненно руководствовалась, с одной стороны, трудным положением писателя-художника, живущего в такой глуши, с другой, конечно, многими моими работами художественно-краеведческого характера. Ввиду улучшения материального положения писателя в настоящее время я могу платить больше и предлагаю вместо 8 р. 50 к. в месяц 15 р., положим, с 1-го мая с. г.

(Имея несомненную уверенность в Вашем просвещённом отношении к моим занятиям по изучению края и будущему сотрудничеству с Географической станцией, я не могу допустить, чтобы угроза расторжения договора на основании непроверенного факта исходила лично от Вас и что Вы в данном случае не принуждены действовать силою обстоятельств, не имеющих никакого отношения к науке и искусству. Смею Вас заверить, что в моём распоряжении есть слишком даже достаточно средств для борьбы с подобного рода обстоятельствами, время от времени всё ещё возникающими в наше напряжённое время государственного строительства.

Действ. член Русского географического общества Михаил Пришвин. Ботик, мая 9-го 1926 г.» (НА).

«Отношение от 6-го мая» мы не обнаружили. Впрочем, ответ и без того красноречив. 1. «...претензии Музея взять с меня добавочные деньги за прожитые месяцы...» Содержание договора о плате, как и об аренде (вероятно, это один договор) не известно, но год назад стороны не имели обоюдных претензий. 2. Проблемы быта: «потемневший угол», «отсыревший угол», «ремонт подвала, пригонка рам»... 3. Угроза судебного процесса. Скобки — свидетельство внутренних колебаний — расцениваем и как желание смягчить категоричный отказ от уплаты. Бытовая зависимость унижает художника вдвойне.

Что скрывается за словами о «силе обстоятельств, не имеющих никакого отношения к науке и искусству»? Автор письма умалчивает о том, что известно и ему, и Смирнову. Допускаем, что последнего могли

подталкивать к радикальным действиям по выживанию Пришвина. У концовки послания подтекст намека: «в моём распоряжении есть слишком даже достаточно средств», в Москве есть кому защитить «писателя-художника» от обстоятельств, «время от времени» встающих на пути «государственного строительства». И, заявив о своём членстве в Русском географическом обществе, он добавил к Главнауке и ЦКБУ новый козырь.

В упомянутой папке делопроизводства по «Ботику» бумаги Пришвина и Смирнова перемежаются письмами известного учёного Адриана Пиотровского о содействии Пришвину и служебными распоряжениями разного содержания тогдашней заведующей отделом музеев Наркомпроса в Москве Н. Троцкой (жены Л. Троцкого). «Отношение от 6-го мая» — видимая часть шагов администрации музея.

Через неделю временный хозяин «Ботика» уведомил Смирнова: «Заведующему Музеем М. И. Смирнову. Согласно Вашему письму представляю доплату за май — июнь по 6 р. 50, всего 13 р. В случае, если не вся мебель нужна для экскурсии, сообщите сторожу, сколько следует прислать денег за её толкование. Михаил Пришвин. 16 мая 1926 г.» (НА).

Похоже, в письме Смирнов требовал доплаты. В лаконизме записки угадывается скорая развязка: он заплатил деньги, они отобрали «для экскурсии» мебель, музейные экспонаты. Фразеологизм «толкование мебели» помимо нескрываемой иронии содержит ещё и саркастическую издёвку над музейной профессией. После этого Смирнов и Пришвин не раскланиваются и принципиально не замечают друг друга.

«3/VII — 1926 — № 422. Члену Русского Географического о-ва М. М. Пришвину. В порядке охраны памятников природы Музей просит Вас сообщить: каким учреждением, когда, под [это слово написано неразборчиво. — Н. И.] каким № и на какой срок выдано Вам разрешение на право научной охоты. Зав. музеем М. Смирнов» (НА).

Оставив без ответа подозрения в хищническом использовании «памятников природы», М. Пришвин вскоре уехал из Пере-

славля. В книге «Натаска Ромки (из дневника охоты 1926—1927)» есть запись от 29 мая 1927 г.: «В журнале «Краеведение», говорят, изругали «Родники Берендея» за неверное краеведение (!): это, конечно, влияние Смирнова, в котором я вскрыл весь яд «смирненного труженика науки» (Пришвин М. Зеркало человека. — М., 1985).

Ругательную статью «Беллетристы-краеведы» написал Николай Анциферов, вот её фрагмент: «В положениях М. Пришвина проглядывает ясно выраженная недооценка момента научности в работе краеведа <...> Можно только пожалеть, что М. М. Пришвин своим художественным чутьём не проверил характеристики края и его населения, сделанной переславльскими краеведами» (Анциферов Н. Беллетристы-краеведы // Краеведение. 1927. № 1).

Называясь членом то ЦКБУ, то Русского географического общества, Пришвин соблюдал требуемый эпохой ритуал, не чуждался и официальных взглядов на роль писателя в устройении жизни. Но он оказался страшно далёк от так называемого «научного», по сути детерминистского, подхода к людям и природе, отвергающего бытие Духа. В недооценке «момента научности» упрекали писателя, художника, который, имея отечественное и европейское «естественное» образование, давно понял: науке не подвластны нюансы душевной жизни, тайна смерти. И, находясь в «такой глуши», он предпочёл замерам и опытам лес, охоту, местные предания.

* * *

К переславским впечатлениям Пришвин возвращался до конца дней. «Плещеево озеро ещё очень молодо <...> Учёные говорят разное о жизни озёр <...> но ведь и моя жизнь тоже, как озеро: я непременно умру, и озера, и моря, и планета — всё умрёт <...> откуда же при мысли о смерти встаёт нелепый вопрос: «Как же быть?» Думаю, это, наверно, оттого, что жизнь больше науки. Невозможно жить с одной унылой мыслью о смерти <...> напор жизни безмерно сильнее логики, а потому науки не надо бояться. Я не молд, вечно занят, чтобы кувшин мой был по-

лон водой, и знаю, что когда он полон — все мысли о смерти пусты» (Пришвин М. Родники Берендея...).

Важно, однако, учесть и обратную связь — суждения о писателе местного люда. Вот одно из них. П. И. Глибина, 1908 г. р., которая «жила» у Пришвиных «на Ботике», вспоминала:

«...Они меня попросили поработать у них. Я дров в дом натаскаю, полы вымою. Убиралась, да и дрова колола, и всё делала. Дом большой был у самого лесу. Всё лето у них жила — на платье купили материи метра четыре бордового цвета. И почти ничего не платили, только харчами кормили.

Пришвин был интересный. Как встаёт (рано вставал-то, на заре ещё) — карты раскинет, если удача ему, он засмеётся, посвистывает. Как настоящий цыган был: в брюках ходил широких, длинной рубаше. Когда отправляется, то говорит: «Я пошёл на охоту». Две собаки у него было: Ярушка и Рыжик, одна ещё охотничья в подвале сидела. Придёт, глядишь: волочёт птичку али две маленькие, а то петуха лесного чёрного, сизого, здорового, гребешок красный, красивый. Надо его мне щипать. Ещё птичек носил маленьких, шерстью, как воробушки, хвосты длинные, он их «вальдшнепы» называл. Обязательно давал обрабатывать их и наказывал пёрышки из крыльев не выбрасывать: он был писателем, он ими писал. Когда вытащу пёрышки, в бумажку заверну и на стол ему положу. Пришвины хорошие были.

Два сына были у Пришвина: Лёва и Петя. Они на лето приезжали сюда. Жена его, Ефросинья Павловна, напишет мне бумагу, чего купить в городе, даёт её Пете: «Поезжайте с Полиной». Машин тогда не было, и мы с ним поедem в лодке добираться в город по озеру, по речке. Один раз, только в лодку сели, отъехали немного, как пошёл дождик, лодку во все стороны кидало, я вроде боюсь, а Петя успокаивал: сейчас пройдёт. Ехали до самого устья, дождик лил всё так же. Вышли мокрые у церкви Сорока мучеников, постояли, обсохли, день стал хороший, поехали дальше, тут недалеко было, около Покровской церкви были магазины кирпичные, тут всё было в магазинах. Петя подал бумагу, и ему

О. П. Отрошко. Портрет Михаила Пришвина

и мясо нарубили, и хлеба принесли, поклали в корзины, мешки, и мы поехали обратно».

По данным биографов-любителей, Пришвин в июле 1941 вместе с женой В. Д. Пришвиной и её матерью поселился в Усолье, на окраине села, в бревенчатом частном доме, снимая у хозяев Назаровых две комнаты. Писатель и его супруга поддерживали добрые отношения с жителями Усо́лья и окрестных деревень. Некоторые стали прототипами его сочинений. Так, директор неполной средней школы села Новосёлки И. И. Фокин без перемены имени и фамилии «перешёл» в «Корабельную чашу», а Ф. А. Кумашенский, начальник пожарной охраны в Переславле, репрессированный в 1930-е годы, стал Ф. А. Кумачёвым в рассказе «Как заяц сапоги съел». Услышанная в семье Комиссаровых из села Вёськово история о солдате, искалеченном войной, развита в «Повести нашего времени» и «Корабельной чаше» (судьба В. Весёлкина). Переславский учитель, краевед П. И. Логинов когда-то помог Пришвину вытащить машину, на память о чём писатель

подарил ему экземпляр книги «Охота за счастьем» с автографом: «Павлу Ивановичу Логинову с благодарностью за помощь на торфе 31/VII 1934 г., с пожеланием остаться до конца на своём великом посту. Михаил Пришвин».

Мало известен такой эпизод. Стремясь помочь детям, эвакуированным из Ленинграда в Переславль и размещённым на «Ботике», Пришвин звонил в Москву писателю — депутату Верховного Совета СССР А. Н. Толстому.

Представители народной культуры, народной среды влекли Пришвина своим не интеллигентским или научным, но самобытным знанием жизни на земле. Прототипами Митраши и Насти в повести «Кладовая солнца» были усольские сироты Соня и Боря, а в литературных героях Пришвин увековечил близких ему знакомых, затем друзей — крестьян Дмитрия Павловича и Анастасию Михайловну Коршуновых из деревни Хмельники Переславского района. Что объединяло столь разных людей?

«Характеристику населения» ближних к Переславлю деревень писатель дал ещё в 1926 году: «Кто эти люди? Какие-то мелкие служащие, техники, считаются в городишке за полудиких людей, но они природные следопыты-краеведы, фенологи, и подлинное — не сентиментально-мещанское и не книжное, не от Руссо и Толстого — чувство природы сохранилось почти только у них. Вот из каких людей и надо искать себе сотрудников по изучению края» (Пришвин М. Родники Берендея...).

Таков был Коршунов, «Митраша», частый гость Пришвиных — талантливый человек, стихийный философ, наделённый обострённым чувством природы. Писатель увековечил Коршунова, тот же сделал Пришвина персонажем своих дневников — тонких школьных тетрадок в линейку. Когда осенью 1943 года Пришвины покидали Усолье, Коршунов был рядом, и духовная нить между ними не прервалась. Ранней весной 1945 года писатель последний раз навестил своих знакомых в Хмельниках и Новосёлках.

Сошлёмся на документы, дополняющие сведения об отношениях Пришвина с Коршуновыми — «Митрашей и Настей».

Коршунов и Пришвин охотились вместе, однажды они преодолели весьма большое расстояние, о чём говорит справка, выданная беспаспортному колхознику, чтоб уберечь его от наказания за самовольную

отлучку. «Михаил Михайлович Пришвин. Писатель. Москва, Лаврушенский, 17, кв. 65. Тел. В-1-44-30. СПРАВКА. Выдана мною колхознику деревни Хмельники Переславского р-на Яросл. обл. Коршунову Дмитрию Павловичу, что он сопровождал меня с места моей охоты в Хмельниках до моей дачи в Звенигородском р-не Московск. обл., деревни Дунино, и возвращается обратно на место своего жительства. М. Пришвин» (НА).

Вот строки из письма В. Д. Пришвиной Коршунову конца 1940-х. «Сейчас М. М. собирается с силами для большой, давно задуманной вещи. Зимой, надеюсь, с ним поработаем. Петя с женой бросают зверосовхоз и перебираются в Москву. А мы с М. М. мечтаем о самой маленькой хатке на Истре, чтоб сидеть там и работать без всяких огородов. Напишите нам, пожалуйста, о себе, о девочках, о Насте (...) [далее — рука М. Пришвина. — Н. И.] Дорогой Митраша, Валерия Дмитриевна вам всё написала, и я желаю только (...) чтобы подтвердить: всё верно. Мы подумываем с В. Д., если Вам надо будет давать детям образование, — отдать Вам с Настей Пушкино, а сами будем жить на Истре и Вас навещать. До свидания. М. Пришвин» (НА).

Николай ИВАНОВ,
доктор филологических наук,
профессор